

Максим Орлов

Каэль на краю Мёртвых Долин.

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Каэль на краю Мёртвых Долин. / М. В. Орлов — «Автор», 2026

В мире без солнца, где пепел стал почвой, а металл — новой флорой, Каэль стоит между разрушением и жизнью. Когда вспышка Солнца превратила небо в раскалённый пепел, человечество разделилось: те, кто молится лжи, и те, кто носит тьму как броню. Осколок Полночи, пульсирующий в груди Каэля, не просто оружие разрушения; он — ключ к диалогу с самой планетой. Элира, его призрачная тень, стала проводником боли и чистоты. Их любовь — это танец над пропастью: страсть через грех, боль вместо забвения. В их объятиях рождается музыка коррозии, язык умирающей планеты. Это роман о том, что даже во тьме есть искра света. Когда мир балансирует на грани исчезновения, только тот, кто выбрал ночь, может вернуть ему рассвет. Каэль на краю Мёртвых Долин. — эпическая симфония разрушения и любви.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 КАЭЛЬ	5
ГЛАВА 2. КЛИНОК И ЛАДАН	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Орлов

Каэль на краю Мёртвых Долин.

ГЛАВА 1 КАЭЛЬ

Душа...

Тише, тени, тише.

Душа...

...

Пепел здесь никогда не падал с неба. Он рос из-под земли, потому что сама земля когда-то сгорела от стыда.

Каэль стоял на краю Мертвых Долин. Горячий ветер пытался содрать с него остатки кожи, но кожа давно стала лишь формальностью. В этом мире больше не было горизонта — только бесконечная стена серой взвеси. Воздух пах озоном и пережженной костью. Каждый шаг босыми ступнями по остывающему стеклу вулканического песка отзывался тупой болью.

Боль была единственным доказательством того, что он все еще весит больше, чем перышко на Весах Забвения.

Он закрыл глаза. На внутренней стороне век вспыхнуло белое пятно.

Вспышка.

Солнце сошло с ума. Оно не просто светило — оно плевалось плазмой, выжигая континенты за секунды. Небо треснуло по швам, обнажив черную пустоту космоса прямо сквозь синеву. Запах озона тогда был сладким, почти девственным. А потом пришла ударная волна, несущая запах кипящего океана.

Каэль открыл глаза. Тьма перед ним снова стала пепельной.

— Ты снова пришел, — прошелестело у левого плеча. Голос звучал как скрежет ржавого железа о камень. — Мы помним вкус твоей крови.

Каэль не обернулся. Говорить со своими шрамами — первый признак распада личности. Но эти шрамы имели собственные имена.

— Тише, тени, — бросил он в пустоту. — Я пытаюсь вспомнить вкус чистоты.

В ответ раздался сухой, лающий смех десятка мертвых глоток.

ГЛАВА 1. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВКУС И ЧЕРНЫЙ МЕД

Черный мед имел привкус могильной плесени, дешевого машинного масла и его собственной старой желчи. Каэль провел языком по пересохшему небу, пытаясь уловить нотки обещанного забытья. Напрасно. Страх сидел глубоко под диафрагмой, холодный и скользкий, словно дохлая рыба. Глотать его приходилось насильно, проталкивая через сведенное судорогой горло. Это называлось дисциплиной. Выжившие называли это безумием. Каэль называл это гигиеной души.

Впереди сквозь серую взвесь проступили очертания Чумных Башен Остова. Стены города были покрыты коростой запекшейся крови и слизи, которая светилась в сумерках болезненным зеленым светом. Оттуда тянуло теплом, гарью жаровен и отчаянием такой густоты, что его можно было резать ножом.

На контрольно-пропускном пункте висели люди. Не казненные преступники — просто должники Ордена Алтаря. Их тела медленно вращались на ржавых цепях, поскрипывая в такт воющему ветру. Кожа туго обтягивала кости, рты были зашиты медной проволокой. Символ чистоты. Чтобы ложь не вытекала наружу вместе с гнилью.

Начальник стражи — огромный детина в броне из панцирей мутировавших скарабеев — перегородил путь тяжелой алебардой.

— Плата за вход — правая рука или левый глаз, Бродяга. Солнцеликий говорит, симметрия очищает душу.

Каэль молча смотрел на него. Взгляд наемника был абсолютно пустым. В этой пустоте начальник стражи увидел собственное отражение — мелкого, потеющего от ужаса зверька, запертого в клетке из собственных доспехов. Рука стражника дрогнула.

— У меня есть кое-что получше, — голос Каэля прозвучал тихо, но перекрыл шум пепельной бури.

Он положил ладонь на нагрудник стражника. Металл под его пальцами начал стремительно покрываться инеем. Из рта детины вырвалось облачко пара. Начался «железный вкус» — реакция Осколка Полуночи на близость чужой органики. Артефакт в груди Каэля втянул тепло из воздуха, высасывая влагу из легких людей вокруг.

Кожа стражников пошла сеткой лопнувших капилляров. Их латы застонали от мгновенного температурного сжатия.

Каэль ударил. Не кулаком — всей накопленной энтропией. Волна абсолютного холода выплеснулась вперед. Она не заморозила начальника стражи — она сделала его хрупким. Человек рассыпался на тысячу звенящих ледяных осколков вместе со своей алебардой, даже не

успев вскрикнуть. Остальные умерли беззвучно, превратившись в красные сосульки прямо в своих сочащихся гноем доспехах.

Боль пронзила ребра. Осколок внутри дернулся, требуя платы за использование силы. По губам Каэля тонкой струйкой поползла темная кровь. Он сплюнул ее в пепел. Кровь застыла на лету, превращаясь в рубиновую пыль. Ярость привычно плеснулась в жилах, гася огонь спазмов. Ему нужна эта боль. Боль напоминала, что он все еще способен чувствовать дно.

Тишина вернулась, став еще более глухой.

Каэль перешагнул через хрустящее крошево и вошел в Остов.

Город вонял надеждой. Той самой отчаянной, липкой надеждой рабов, которые верят, что завтра солнце взойдет чуть выше. Узкие улочки были забиты оборванцами. Торговцы продавали фильтрованную воду по цене детской почки, а проповедники на перевернутых телегах кричали о скором Возвращении Светила.

Но Каэль видел то, чего не замечали они.

Над главной площадью Остока возвышался Великий Алтарь. Золотой, сияющий, источающий настоящее, живое тепло. Толпа пала перед ним на колени, подставляя лица этому благословенному жару. Матери поднимали младенцев, чтобы те впитали частичку света. Картина тошнотворного смирения.

Каэль подошел ближе. Ему не нужно было шуриться — Осколок в груди поглотил бы любую вспышку. Он обошел алтарь сзади. Там, куда не доставали лучи фальшивого солнца, золото облупилось. Под священными барельефами скрывались трубы. Толстые, пульсирующие трубки из прозрачной плоти, оплетенные венами. Они уходили глубоко под землю, в катакомбы. По ним текла не благодать. По ним струилась белесая, фосфоресцирующая жидкость — эссенция душ, вытянутая из тех самых коленопреклоненных внизу. Каждая молитва делала эту субстанцию чище, а каждого молящегося — мертвее. Святые губы лгали так масштабно, что сама реальность прогибалась под весом этой лжи.

Его затошнило от омерзения. Скорбь о чистоте сжала горло стальным обручем. Когда-то он тоже верил. Верил в непорочность металла, в святость присяги, в то, что солнечный свет может лечить, а не только испепелять. Та вера умерла в день Вспышки, оставив после себя лишь сухую, бесплодную пустыню внутри.

— Ты видишь шестеренки, Дитя Ночи? — раздался голос за спиной.

Голос был лишен возраста. Он принадлежал женщине, но звучал так, словно говорил сам фундамент этого мира.

Каэль медленно повернулся. Перед ним стояла фигура, сотканная из черного дыма и тлеющих углей. Лица не было, лишь два провала, наполненных жидким серебром. Одно из Имен, следовавших за ним. Древняя печать контракта, принявшая форму.

— Я вижу топливо, — ответил Каэль. — Чистое, незамутненное лицемерие. Идеальный уголь для пожара.

Сущность издала звук, похожий на шелест осыпающегося праха.

— Огонь пожрет и тебя. Твой Осколок трещит по швам. Еще один выброс, и твоя грудная клетка превратится в стеклянное крошево. Зачем ты идешь в Разлом? Даже демоны боятся спать там, где бьется Первородное Сердце.

Каэль расстегнул ворот плаща. В центре его груди зияла сквозная дыра размером с кулак. Внутри нее не было ни органов, ни костей. Только вязкая, вращающаяся тьма, в которой отражались звезды чужого космоса. Холодный, пустой свет.

— Затем, что я устал быть человеком, который мерзнет. Если падать — то до самого ядра. Если петь — то в полный мрак. Мне нужен этот пожар. Я должен стать им.

Сущность задрожала, ее дымные контуры исказились от первобытного голода.

— Мы ждали этого десять тысяч лет, — прошептала она. — Спускайся. Хор уже начинает свою песню.

Она растворилась в воздухе, оставив после себя запах серы и раскаленного металла.

Где-то глубоко под городом, под фундаментом золотого алтаря, начала дрожать земля. Тонко, на грани слышимости, зародился низкий гул. Пустой алтарь Забытого Бога далеко на севере отозвался ему вибрацией. Кто-то очень древний услышал выбор Каэля и признал его законным.

Каэль поправил лямки вещевого мешка, развернулся спиной к слепому солнцу Остова и пошел на юг, туда, где земля трескалась, выпуская наружу дыхание преисподней. Выбор был сделан. Просить он не собирался.

ГЛАВА 2. КЛИНОК И ЛАДАН

Ночь опустила ладан на крыши Остова не для того, чтобы очистить их. Черный, маслянистый дым от храмовых жаровен стелился по брусчатке, забивая альвеолы и оседая жирной копотью на стенах старых соборов. Древний собор Святого Заступника задышался в этой тьме. Его витражи давно вылетели вместе с душами прихожан во время Раскола, а внутри пахло лишь озоном, расплавленным свинцом и гниющей надеждой.

Каэль шел по следам ее тихой обиды. Элира всегда обижалась беззвучно. Она просто переставала дышать в такт с миром, и этот вакуум затягивал Каэля в себя, выворачивая легкие наизнанку. Теперь он чувствовал эту пустоту здесь, среди гниющих камней — как физическое присутствие, давящее на барабанные перепонки. На правой руке, сжимающей рукоять тесака, запеклась чужая кровь вперемешку с его собственной из лопнувших капилляров. В лунном свете она казалась черной, но Каэль знал: это цвет рассвета этого мира. Бесконечного кровавого заката, который никогда не сменится утром.

Вспышка. *Память ударила под колени.* Не метафорическая — нейронная. Настоящее солнце, еще целое, висит над пшеничным полем. Элира смеется, запрокинув голову. Ее шея открыта, пульсирует жилка. Запах нагретых трав, пота и дикого меда. Он помнит вкус ее кожи

— соленый, порочный, сводящий с ума. Он хотел сожрать ее заживо тогда, взять прямо там, в пыли, разорвав льняное платье. Эта первобытная жажда обладания пугала его своей чистотой. Любовь через грех, страсть через желание уничтожить. А потом небо треснуло. Вспышка выжгла сетчатку, превратив золото поля в белый пепел. Сладкий запах меда мгновенно стал запахом горелых волос.

Старый колокол в надвратной башне ударил сам собой. Без языка, без веревок. Железный язык рухнул на бронзовое нутро, и звук вошел прямо в затылок, вибрируя между полушариями мозга. *Черный колокол бил мне в затылок.* Это был не набат. Это был метроном его личного судного дня. Он отсчитывал шаги до встречи, после которой покою уже не будет места.

Он свернул в разбитую арку жилого квартала и замер. На третьем этаже, в проеме окна, где чудом уцелел кусок рамы, стояла фигура. Силуэт тоньше тени, бледнее пепла. Забытый клинок, оставленный хозяином гнить в ножнах. Она молчала, пока мир внизу тонул в миазмах и молитвах Солнцеликим. Ее неподвижность была страшнее любого крика.

И по венам идет горький холод. Осколок Полночи в груди отозвался на нее мгновенно. Артефакт ненавидел призраков почти так же сильно, как живых, потому что они напоминали ему о том, чем он стать не смог — чистым ничто. Холод пополз от сердца к пальцам, вымораживая суставы, превращая плазму крови в острые кристаллы льда. *Я слышу твой шаг,* — подумал Каэль, хотя Элира стояла в десяти метрах над землей и не касалась пола. Звук шел изнутри черепа. Из той части памяти, что выжжена дотла.

Еще один вдох этого отравленного воздуха, и серебряная печать на шраме поперек шеи пойдет паутиной трещин. Еще один взгляд на ее профиль — на линию подбородка, которую он когда-то целовал под настоящим солнцем, оставляя засосы, похожие на следы укусов, — и спасать будет поздно. Ни его, ни ее. Только два пятна радиоактивного пепла на мостовой.

Внутри собора ветер рвал хоругви на клочья. Священные знамена истлели настолько, что рассыпались в труху от малейшего сквозняка из проломленной крыши. Под ногами хрустело стекло.

Там, где раньше стоял алтарь, каменный пол пошел трещинами. На них растаяли клятвы. Когда-то они были высечены в граните кислотным письмом — обещания вечной службы Ордену, вырезанные прямо на костях новобранцев. Сейчас гранит оплыл, словно воск у безымянных свечей. Слова потеряли форму, превратившись в бесформенные лужицы застывшего камня.

Ты берегла мне яд в хрустальной оправе. У ее босых ног лежал разбитый флакон. Хрусталь осыпался алмазной пылью. Внутри осталось несколько капель светящейся субстанции — дистиллят боли, очищенная эссенция предательства. Каэль упал на колени рядом с силуэтом. Ему не нужно было открывать сосуд. Память сделала это за него. Он пил этот яд каждый день с момента ее смерти. Каждое утро начиналось с металлического привкуса собственной могилы на языке.

— Зачем ты пришла? — голос прозвучал хрипло. Горло драло пеплом, смешанным с желчью. — Я спустился в Разлом ради огня. Мне не нужны проводники из прошлого.

Фигура медленно повернула голову. У нее не было глаз — только провалы, заполненные таким же вязким мраком, какой жил в его груди. Но он почувствовал давление взгляда всем позвоночником. Оно было тяжелым, влажным, любящим. Ее губы дрогнули. Не для слов. Для выдоха.

Там, где у мертвых не просят имен, потому что имя привязывает душу к плоти, мешая ей развеяться, Каэль увидел то, чего боялся больше всего. Она держала свой собственный труп на руках, защищая его от воронья. Она стала стражем своей же могилы.

Скорбь о чистоте обрушилась на него бетонной плитой. Чистота — это ложь слабаков. Они убили ее именно за чистоту. За то, что ее душа сияла слишком ярко для их прогнившего ордена. Чтобы забрать этот свет, они вскрыли ей грудную клетку ржавыми пилами, пока Каэль,

связанный такими же клятвами, смотрел на это и ничего не мог сделать. Ярость поднялась из солнечного сплетения горячей волной. **Боль взорвалась в плече** — старый перелом, полученный в ту ночь, заныли фантомными судорогами.

Он поднял с пола тяжелый железный крест, сорванный с купола взрывной волной. Металл был покрыт инеем — холодом глубокого поля, где хоронили самоубийц. Крест весил как грех всего человечества. Каэль перехватил его левой рукой, используя как щит.

И тогда он услышал шепот. Не ушами — разрывающейся барабанной перепонкой. Шепот пробивался сквозь стон несущих конструкций собора: — *Ты обещал сгореть вместо меня.*

Холод в венах достиг критической точки. Печать на шее взорвалась. По коже брызнула ледяная сукровица. Тесак сам прыгнул в правую руку. Сталь запела, рассекая ладанный дым.

Клинок и ладан. Его оружие против ее святости. Его ярость против ее скорби. Симфония конца.

— Я пришел забрать тебя отсюда, — прорычал Каэль, делая выпад. Лезвие прошло сквозь грудь призрака, не встретив сопротивления, но высосав часть тумана, составляющего ее суть. Облако дыма дернулось, как раненое животное. — Мы оба стали добычей мрака. Но мой мрак — голодный. А твой... твой просто плачет.

Она подняла руки. Между ее ладонями формировался сгусток плазмы — чистое солнечное пламя времен До-Раскола. Та самая вспышка, что сожгла континенты. Чистота, обернувшаяся смертью. Свет резал глаза даже сквозь закрытые веки.

Встань из пепла, — прошелестела она, и звук обрушил остатки кровли. — **Снимай свой траур. Или я сожгу твою темноту дотла.**

Каэль улыбнулся. Кровавая пена выступила на губах. Осколок в груди взвыл, требуя выпустить его наружу. Он отбросил крест. Тот вонзился в стену с грохотом упавшей гильотины. — Если падать, то в полночь вместе, — сказал он.

Он метнулся вперед, врезавшись в ее объятия, игнорируя испепеляющий жар зарождающегося солнца в ее ладонях. Это прикосновение было одновременно пыткой и экстазом. Агония сожженной нервной системы столкнулась с абсолютным нулем артефакта. Жар встретился с абсолютным холодом. Воздух со свистом втянулся в эпицентр, создавая вакуум. Витражная пыль, обломки дерева и прах святых закружились в черную воронку.

Воспоминание прорвало плотину контроля. *Их постель в заброшенном бастионе. Ржавчина на простынях. Ее ногти, впивающиеся в его спину до мяса — не от страсти, а от ужаса перед будущим. Солоноватый вкус слез на ее губах, когда она шептала: «Люби меня грязно, Каэль. Люби меня так, чтобы смерть побрезговала мной».*

— Я не отдам тебя ни тьме, которая хочет поглотить твой разум, ни мести, которая требует твоей крови! — крикнул он ей прямо в лицо, которого не было. Голос сорвался на животный рык. — Я заберу тебя в огонь!

Ладан смешался с озоном плавящегося камня. Клинок в его руке раскалился добела, впитывая энергию столкновения света и пустоты. Рукоять жгла ладонь сквозь мозоли, но он не разжимал пальцев. Боль заземляла его.

Пусть сгорит мой последний закат.

Он впился поцелуем в ее бесплотные губы. На его языке разлился вечный, терпкий яд — вкус всех невыплаканных слез и украденных жизней. Горький, как полынь, сладкий, как цианид. Мир вокруг перестал существовать. Остался только ритм черного колокола, биение двух проклятых сердец (одного физического, рвущего ребра в попытке добраться до нее, другого — артефактного, жадно пьющего божественную энергию) и бесконечный спуск в тот ад, куда уходят те, кто отказывается выбирать сторону.

Слияние не было нежным. Это был акт жестокой, первобытной агрессии. Его руки сомкнулись на ее талии с такой силой, что будь она плотью, хрустнули бы позвонки. Но Элира ответила тем же. Ее пальцы — острые, бестелесные крючья — вонзились ему в затылок, про-

никая сквозь череп прямо в мозг. Она искала там то место, где он все еще хранил ее запах: смесь дикого меда, пота и дорожной пыли из их прошлой жизни.

Их пороки всегда были лучшим проявлением любви. Там, среди ржавчины и войны, страсть была единственным способом доказать, что они еще живы. Он помнил, как брал ее на алтарях заброшенных капелл, грубо, разрывая одежду, вбивая ее в холодный камень, пока тени от горящих балок плясали на стенах. Их любовь никогда не знала святости; она всегда пахла грехом, кровью и выживанием. И сейчас, посреди разрушенного собора, этот грех стал их единственной броней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.